

E.V. Leonova, T.G. Lyasovich

ON DIFFICULTIES OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS LEGAL REGULATION IN MODERN CHINA IN THE CONTEXT OF POLITICAL, SOCIAL, ECONOMIC AND EPIDEMIOLOGICAL SITUATION

Elena Leonova – Senior Lecturer, the Department of Civil Law and Civil Procedure, Saint-Petersburg University of Russian Interior Ministry, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: lvelena@mail.ru**.
Tatiana Lyasovich – Senior Lecturer, the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Leningrad region Branch Saint-Petersburg University of Russian Interior Ministry, PhD in Law, Murino, Leningrad region; **e-mail: vyaznikova@mail.ru**.

The article examines specifics of family and marriage relations legal regulation in PRC bearing in mind political, economic and epidemiological factors. Traditional family law of China has sufficiently evolved over the last decades. However it still keeps on retaining peculiar specifics and traits with regard to the nation including the ones with problematic nature.

The relevance of the research is based primarily on the growing role of PRC on the international stage and not only because China is considered to be one of the potentially strong players but also because it is number one partner for Russia whom PRC enjoys good-neighborly relations with.

Based on thorough analysis of regulatory and legal instruments governing family and marriage relations in PRC as well as on the mass media materials and scientific researches results the authors conclude with findings explaining problematic issues of regulating family and marriage relations in modern China.

Keywords: family and marriage Law of China; the Law of China On Population and Birth Planning; marriage and divorce; birth control policy; PRC; one child policy; demographic crisis; family Law reform in China; one family-two kids; Chinese family traditionalism.

Е.В. Леонова, Т.Г. Лясович

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО- БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Елена Владимировна Леонова – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: lvelena@mail.ru**.

Татьяна Георгиевна Лясович – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Мурино, Ленинградская область; **e-mail: vyaznikova@mail.ru**.

В статье исследуется специфика правового регулирования семейно-брачных отношений в КНР с учетом политических, экономических и эпидемиологических факторов. Семейное традиционное право Китая за последние десятилетия значительно эволюцио-

нировало, однако продолжает сохранять свойственные исключительно ему характеристики и черты, носящие, в том числе, «проблемный» характер.

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, возрастающей ролью КНР на международной арене не только как одного из самых потенциально «сильных игроков», но и как «партнера номер один» для России, с которым она связана отношениями сотрудничества и добрососедства.

На основе анализа нормативных правовых актов, регулирующих семейно-брачные отношения в КНР, материалов периодической печати и результатов научных исследований, авторы пришли к ряду выводов, объясняющих проблемы правового регулирования семейно-брачных отношений в современном Китае.

Ключевые слова: семейно-брачное право КНР; Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости»; заключение и расторжение брака, политика ограничения рождаемости; КНР; «одна семья – один ребенок»; демографический кризис; реформа семейного права в КНР; «одна семья – два ребенка»; китайский семейный традиционализм.

Актуальность темы данного исследования обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, возрастающей ролью Китайской Народной Республики на международной арене как «первой мировой индустриальной сверхдержавы по объемам промышленного производства, крупной космической и ядерной державы» [9], которая для России является не просто соседним государством, а государством – партнером «номер один» в различных сферах государственной и общественной жизни.

Взаимодействие РФ и КНР базируется на многолетнем положительном опыте сотрудничества, отношениях добрососедства и до относительно недавнего времени – общности социальной и политической систем [7, с. 20].

В контексте сказанного представляется возможным сообщить и о еще одном аспекте российско-китайских отношений. В последние годы в приграничных районах наблюдается ярко выраженная тенденция к заключению «интернациональных» браков по принципу «русская жена – китайский муж», а также возрастанию интереса китайских мужчин к знакомствам с «русскими невестами» [4]. Это заставляет задуматься о причинах, которые побуждают китайцев поступать вековыми семейными традициями, культурными ценностями и заключать интернациональные браки.

Еще одним фактором, вызвавшим рост всеобщего внимания к КНР, стало «китайское происхождение» причины всемирной пандемии – вируса COVID-19,

который оказал прямое негативное воздействие и на семейно-брачную сферу современного Китая.

В контексте сказанного представляется возможным проанализировать специфику правового регулирования семейно-брачных отношений в современном Китае с учетом политических, социально-экономических и эпидемиологических факторов; определить, каким образом государство с помощью правовых инструментов пытается разрешить возникшие проблемы и сделать выводы о возможности заимствования положительного опыта в рассматриваемой сфере.

Итак, опираясь на проведенные ранее исследования [7, с. 20–26], научную литературу, статистические данные, выделим ряд проблем, сложившихся в сфере семейно-брачных отношений в современном Китайском государстве, и проанализируем пути их возможного решения.

Проблема первая – перенаселенность Китайского государства. Следует отметить, что с демографической проблемой такого рода Китай столкнулся еще в XVII в. – в период правления маньчжурской династии Цин (правящей с 1644 г.). По оценкам исследователей, к началу XX в. Китай представлял собой самую населенную страну мира с населением свыше 300 млн чел., что составляло серьезную проблему [8, с. 482]. Аграрное перенаселение наряду с сохранением системы феодальных отношений подрывало государственную стабильность, вело к нехватке ресурсов и беспорядкам. Синхайская революция 1911 г., череда народных восстаний,

трансформация формы правления и смена политического режима не оказали глобального влияния на демографическую ситуацию в стране. В 1979 г. правительство уже коммунистического Китая в условиях угрозы демографического взрыва было вынуждено принять меры, направленные на ограничение рождаемости. Жесткая государственная политика, известная своим лозунгом «одна семья – один ребенок» продолжала реализовываться вплоть до начала 2016 г.

В настоящее время одним из важных правовых регуляторов семейно-правовых отношений в КНР является Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» от 29 декабря 2001 г. (с изм. от 27 декабря 2015 г.) [2], который придает особый колорит китайскому семейному праву. Согласно положениям этого закона, планирование рождаемости является важной составляющей государственной политики КНР ввиду большой численности населения. Политика планирования опирается на пропаганду и образование, достижения научно-технического прогресса, оказание услуг в сфере планирования рождаемости, создание и совершенствование системы поощрений и социального обеспечения [10, с. 72]. Планирование рождаемости должно сочетаться с повышением образовательного уровня и возможностей для трудоустройства, улучшением здоровья и повышения социального положения женщин. Руководство работой в сфере планирования рождаемости осуществляет Государственный комитет здравоохранения и планирования рождаемости КНР и соответствующие органы при местных народных правительствах.

В целях регулирования рождаемости Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» устанавливает ряд льгот для граждан, следующих политике планирования рождаемости. Помимо общегосударственных льгот, могут быть установлены дополнительные льготы и поощрения на местном уровне. В случае невыполнения политики планирования рождаемости граждане КНР обязаны уплатить специальный сбор, который может быть взыскан принудительно через суд [2].

В 2015 г. в рассматриваемый закон были внесены изменения, согласно которым правительство, не отступая от политики планирования рождаемости, вводит более гуманный принцип «одна семья – два ребенка». В то же время государство сохраняет льготы для законопослушных супругов, соблюдавших прежние правила, а также льготы для поздних браков и позднего деторождения.

Однако эти нововведения не означают, что китайские семьи спешат «воспользоваться» предоставленной им возможностью. Появление ребенка в семье традиционно отождествляется с большими тратами, что заставляет китайцев тщательно взвешивать все «за» и «против». И даже материальное стимулирование женщин в вопросах деторождения не оказывает должного воздействия на демографическую ситуацию. Изменение государственного курса в семейно-брачной сфере вызвано рядом обстоятельств, прежде всего, тем, что с 1949 г. в КНР наблюдается стойкая тенденция, связанная со снижением уровня рождаемости. Именно это и заставило правительство Китая «пойти на уступки». Таким образом, по прошествии первого десятилетия текущего столетия рождение вторых детей в китайских семьях перестало рассматриваться как крайне нежелательное для государства обстоятельство.

С 2016 г. ситуация незначительно изменилась: цифры официальных ведомств свидетельствуют о росте показателей рождаемости, в то время как исследователи подозревают намеренное «приписывание» количественных показателей «по команде сверху» и предполагают, что «итоги первого года введения новой политики не полностью оправдали ожидания правительства» [6, с. 55].

Примечательно, что в начале 2020 г. вектор семейной политики КНР значительно переменялся ввиду неблагоприятной эпидемиологической ситуации: во время карантинных мер, введенных в стране, во многих провинциях появились агитационные плакаты, призывающие китайских граждан «помочь стране» – завести второго ребенка, находясь дома на са-

моизоляции. Однако внушаемый с 1979 г. постулат об обязанности граждан «соблюдать политику по контролю рождаемости в стране» [1] до сих пор является, на наш взгляд, своеобразным психологическим барьером для китайских родителей в принятии положительного решения о расширении семьи, особенно в сложных условиях пандемии и последовавшего за ней экономического кризиса.

Последствиями реализуемой в КНР на протяжении длительного времени политики ограничения рождаемости стал ряд факультативных (но не менее острых) проблем, до сих пор ярко проявляющих себя в семейно-брачной сфере современного Китая. К таким проблемам относятся, прежде всего, демографический дисбаланс населения с преобладанием мужского контингента. До недавнего времени распространенным явлением были отказы родителей от уже рожденных девочек и даже убийства младенцев женского пола.

К примеру, долговременное вмешательство государства в сферу деторождения привело к тому, что в современном Китае мужчин (как более «желанных» в гендерном отношении детей) в несколько раз больше, чем женщин. В настоящее время, по мнению исследователей, большинство совершеннолетних китайцев лишены возможности заключить «традиционный китайский» брак и создать семью [7]. По оценкам специалистов, к 2020 г. число одиноких мужчин в КНР превысит на 30 миллионов количество женщин, желающих вступить в брак [11]. Это является одной из причин, толкающих китайских граждан заключать браки с иностранками, в том числе и россиянками.

Еще одним следствием государственной политики регулирования рождаемости стала проблема инфантилизма и эгоизма единственных детей в китайских семьях, так называемого «синдрома маленького императора». Такие «вечные» дети, изначально привыкнув с рождения получать все самое лучшее и быть объектом пристального внимания со стороны родителей, став взрослыми, зачастую сохраняют статус «единственного любимого ребенка – императора» и сами не спешат

заводить собственных детей, опасаясь ответственности и лишних расходов.

Еще одной проблемой в семейно-брачной сфере современного Китая является усиливающаяся (начиная с 80-х гг. XX в.) эмансипация китайских женщин, которая стала возможной ввиду проникновения в китайское общество европейской культуры и формирования новой «прозападной» шкалы ценностей. Китайский семейный традиционализм и патриархальность не выдерживают конкуренции с современными «западными» социальными ценностями, и китайские женщины XXI в., которые стали больше внимания уделять себе и партнеру, зачастую не только не желают заводить детей (тенденция «чайлд-фри»), но и даже связывать себя узами брака вопреки устоявшимся традициям и ожиданиям родителей. Кроме того, по данным на 2017 г., приведенным Ю.А. Куприяновой и А.И. Янишевской, «в Китае 90 млн китайок детородного возраста, которые соответствуют условиям новой политики «одна семья – два ребенка», однако 60% этих женщин – старше 35 лет, а половина – старше 40 лет» [6, с. 55]. Соответственно, по мнению экспертов, вероятность родить первого (или второго) ребенка для женщин данной возрастной категории с учетом не слишком благополучной экологической обстановки в целом невысока. Таким образом, возможно говорить еще об одной проблеме семейного права в КНР – проблеме недостаточного количества (с тенденцией уменьшения) потенциальных рожениц.

Таким образом, можно заключить, что современная китайская семья ввиду внешних и внутренних факторов, с одной стороны, стала более открыта новым мировым тенденциям в семейно-брачной сфере и сочетает как старинные китайские семейные традиции (патриархальность, коллективизм и др.), так и современный подход к ценности и индивидуальности каждого члена семьи и его прав. С другой стороны, существует множество факторов, негативным образом влияющих на семейно-брачную сферу и побуждающих китайцев не спешить ни с заключением брака, ни с деторождением.

Еще одной проблемой в современном Китае стали массовые разводы, которые, как ни парадоксально, стали следствием всемирной пандемии и карантинных мер, принятых правительством КНР. Вынужденно «самоизолировавшиеся» семейные пары, особенно, с небольшим семейным стажем, после окончания карантина немедленно отправились подавать заявления. О возросшем количестве разводов после введения карантинных мер, вызванных вспышкой COVID-19, заявила Лу Шицзюнь, глава отделения регистрации браков в Дачжоу, провинция Сычуань. Она отметила, что с 24 февраля 2020 г. поступило более 300 запросов о разводе [5]. 1 марта 2020 г. после отмены карантинных мер в офисы регистрации разводов в Сиане, провинция Шэньси, было направлено рекордное количество заявлений о разводе (за один день офис получил, по информации Global Times, сразу 14 заявлений, что превысило лимит, установленный местными властями). В Фучжоу, провинция Фуцзянь, после отмены карантинных мер администрация установила лимит рассмотрения не более 10 запросов о разводе в день [12]. Таким образом, массовый характер расторжения браков в КНР очевиден и вызывает тревогу властей.

По оценкам экспертов, причинами массовых разводов в КНР во время «самоизоляции» стали бытовые вопросы, прежде всего, ссоры и неумение идти на компромисс. Представляется, что семейные пары, не имея опыта длительного совместного пребывания в замкнутом пространстве, попросту не выдержали испытания общением. В обычной жизни роль «разгрузочных» факторов выполняли работа, развлечения, общение вне семьи, что давало супругам возможность «отдохнуть друг от друга». Отсутствие этих факторов на протяжении действия режима «самоизоляции» привели к обострению внутренних противоречий в семейных парах и к формированию стойкого желания (зачастую обеих сторон) расторгнуть брак. Представляется, что описанная проблема актуальна не только для семейно-брачной сферы КНР. Вполне возможно, что в условиях пандемии она станет распростра-

ненной тенденцией, характерной для большинства стран, испытавших на себе «влияние» пандемии.

Стоит заметить, что с конца XX в. семейное право КНР претерпевает серьезные изменения, которые затронули и сферу правового регулирования процедуры расторжения брака.

В 80–90-х гг. прошлого века процедура развода требовала больших усилий и считалась позором для разводящихся, а также всех их родственников. К заявлению о разводе супруги должны были прикреплять выписку с места работы, что в дальнейшем плохо сказывалось на их дальнейшей карьере. В настоящее время процедура развода значительно упростилась: сам процесс расторжения брака «технически» стал занимать около 15 минут, в то время как в аналогичной ситуации ранее он занимал целый месяц.

Такой упрощенный подход к процедуре развода в последнее время подвергается жесткой критике как представителями юридической общественности, так и политиками, которые выступили с инициативой усложнить процедуру развода с целью сокращения их количества. Так, депутат Синьвэнь в своем выступлении сообщила, что в прошлом году в КНР зарегистрировано 1,7 млн разводов, что на 10,3% больше показателей предыдущего года [13]. Депутат предложила принимать заявление на развод только после предъявления письменного свидетельства о несостоявшемся примирении, а также внести соответствующие поправки в действующее Положение «О регистрации браков» (которое регулирует и процедуру развода) [10, с. 72].

По общему правилу для оформления расторжения брака достаточно явки обоих супругов в органы ЗАГС и предъявления документов, удостоверяющих личность [1]. При отказе одного из супругов на расторжение брака заявление передается в суд, а через полгода развод оформляется принудительно без учета мнения второго супруга. Эта ситуация правомерна ввиду сохранения в действующем семейном законодательстве КНР положения о том, что «единственным условием для расторже-

ния брака является желание супругов развестись» (ст. 31 Закона «О браке КНР») [1].

Расторжение брака в КНР возможно по обоюдному согласию супругов, а также по заявлению одной из сторон. В то же время Закон «О браке КНР» содержит ряд ограничений для определенных категорий граждан. Лицо, состоящее в браке с военными иницирующее развод, обязано получить согласие супруга, за исключением случаев, когда на супруге-военном лежит существенная вина (ст. 33 Закона «О браке КНР»). Также муж не имеет права требовать развод в течение года после рождения супругой ребенка или в течение шести месяцев после прекращения беременности жены (ст. 34 Закона «О браке КНР») [1]. Включив эти положения в семейное законодательство, законодатель пошел по пути создания гарантий защиты прав для ряда малозащищенных категорий населения (беременные женщины, женщины, имеющие грудных детей), а также категорий, которые не могут самостоятельно в силу объективных обстоятельств (специфики профессии) защитить свои права (военнослужащие).

В настоящее время в КНР ведутся острые дискуссии об усложнении процедуры расторжения брака и возможности вмешательства государства в такую «личную сторону» человеческих отношений. Предположительно, что согласно обновленному семейному законодательству супруги, желающие расторгнуть брак, будут обязаны ждать в течение одного месяца после принятия ими соответствующего решения и подачи заявления. Таким образом, государство будет настаивать на соблюдении «месячного примирительного срока» с целью дать возможность супругам еще раз подумать и, возможно, примириться.

Эксперты прогнозируют, что вступление в силу нового Гражданского кодекса КНР, регулирующего и семейно-брачные отношения, позволит стабилизировать демографическую ситуацию в стране, увеличить рождаемость (упавшую за последние годы), сократить количество разводов и устранить множество правовых

пробелов, связанных с усыновлением, установлением опеки, а также использованием репродуктивных технологий, в том числе и суррогатного материнства [13].

Подводя итог сказанному, сделаем ряд следующих выводов:

1. Анализ специфики правового регулирования семейно-брачных отношений в современном Китае с учетом политических, социально-экономических и эпидемиологических факторов показал, что семейное право Китая, несмотря на присутствие ему традиционализм и консервативность, за последние годы серьезно эволюционировало. Влияние западной культуры заставляет китайцев избавляться от чрезмерной опеки со стороны представителей старших поколений и самостоятельно выстраивать свою семейную жизнь: осуществлять выбор партнера, принимать решение о возможности завести ребенка (или детей) и его (их) воспитании. Таким образом, современная китайская семья стала более открыта новым мировым тенденциям в семейно-брачной сфере и стала сочетать старинные китайские семейные традиции и современный подход к ценности и индивидуальности каждого члена семьи и его прав.

2. В то же время государство в КНР продолжает активно вмешиваться в частноправовую сферу при помощи жесткого правового инструментария. Государственный интерес становится доминирующим и оказывает императивное воздействие на личную жизнь людей, подсказывая им ответы на исключительно «личные» вопросы о возможности заключить или расторгнуть брак, возможности завести ребенка (или детей) и особенностях его (их) воспитания.

3. Демографический вопрос с давних пор остается актуальным для Китая, однако в свете современной ситуации, связанной с уменьшением рождаемости, власти были вынуждены изменить вектор семейной политики. Таким серьезным изменениям непросто ужиться в сознании современных китайцев. Как результат – при всей ответственности и патриотизме, китайские граждане не спешат «по команде» следовать распоряжениям сверху и массо-

во заводить второго ребенка, думая о государственном благе. Следовательно, высоких темпов роста рождаемости в современном Китае пока не наблюдается.

4. Опыт КНР по регулированию рождаемости интересен с теоретической и практической точек зрения. К примеру, политика планового деторождения в Китае принесла положительные результаты: ввиду замедления роста количества населения, «снизилось демографическое давление на экономику, социальную сферу, экологию и природные ресурсы» [3, с. 98]. «Регулятивные демографические» механизмы действуют и в современной России. Введение с 1 января 2007 г. материнского капитала как формы государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей, предоставление земельных участков многодетным семьям, увеличение видов и количества социальных выплат, пособий, материальной помощи семьям, имеющим детей, несомненно, играют мотивационную роль и укрепляют граждан в их намерении завести первого и последующих детей. Однако несмотря на принимаемые меры, снижение рождаемости является мировой тенденцией, что лишний раз подчеркивает актуальность исследования вопросов семейного права и семейной политики в России и в зарубежных государствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон «О браке КНР». Принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 10 сентября 1980 г.; в Закон внесены изменения в соответствии с Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О браке» на 21-м заседании Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва 28 апреля 2001 г.) // Законодательство Китая: [сайт]. URL: http://www.chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage (дата обращения: 13.07.2020).

2. Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости. URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21content_25059.htm (дата обращения: 01.06.2020).

3. *Баженова Е.С.* Китайская семья в условиях новой демографической политики // 13-ая пятилетка (2016–2020 гг.) –

важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан»: материалы Конференции Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН от 1 апреля 2017 г. / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской Академии наук, 2018.

4. *Гарднер Ю., Дмитракова Т., Доценков И.* Замужем за Ли // Российская газета. 2016. 9 ноября. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 01.06.2020).

5. Карантин из-за коронавируса привел к вспышке разводов // Lenta.ru: [сайт]. URL: <http://lenta.ru/news/2020/03/17/gazvod/> (дата обращения: 13.07.2020).

6. *Куприянова Ю.А., Янишевская А.И.* Новая демографическая политика в Китае: «одна семья – два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 55.

7. *Леонова Е.В., Лясович Т.Г.* Основные принципы семейного права Китайской Народной Республики как способ реализации государственного интереса в частноправовой сфере // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы V Международ. науч.-практ. конф. от 06.12.2019 г. В 2-х т. / отв. ред. Е.В. Трофимов. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019.

8. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права. 4-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2007. 576 с.

9. *Переверзев Ю.* Достижения современного Китая. Все самое, самое... // Партнер. 2019 (267). № 7. URL: <http://www.partner-inform.de> (дата обращения: 02.07.2020).

10. *Протопопова О.В.* Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6.

11. *Anqi Xu., Wenzhen Je.* Marital Stability in Contemporary China // Paper presented at the meeting of the Population Association of America. Los Angeles, March 23-25, 2000.

12. Gabby Landsverk. The coronavirus may be driving up divorce rates in a Chinese

city, officials say. URL: <https://covid-19-peak-divorce-rate-chinese-cities-2020-3.htm> (дата обращения: 3.07.2020).

13. Sheridan Prasso. China's divorce spike is a warning to rest of locked-down world. URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-03-31/china-s-divorce->

[spike-is-a-warning-video](#) (дата обращения: 5.07.2020).

14. *Zaidi B., Morgan F.* The Second Demographic Transition Theory: a Review and Appraisal // *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43. № 482.